

М.А. Гордеева*

M.A. Gordeeva*

**Правовое положение крестьянских
детей-сирот в Томской губернии в
конце XIX – начале XX века:
формальные правила и их воплощение**

**Legal Status of Peasant
Orphans in the Tomsk Province in the
Late 19th – Early 20th Century: Formal
Rules and Their Implementation**

doi:10.31518/2618-9100-2021-1-9

doi:10.31518/2618-9100-2021-1-9

УДК 94(347.639)571.1"18/19"

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Гордеева М.А. Правовое положение крестьянских детей-сирот в Томской губернии в конце XIX – начале XX века: формальные правила и их воплощение // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 96–104. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-09.pdf>

Gordeeva M.A. Legal Status of Peasant Orphans in the Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Century: Formal Rules and Their Implementation // Historical Courier, 2021, No. 1 (15), pp. 96–104. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-09.pdf>

Abstract. The article examines the observance of the rights of young and minor children of the peasant class in the Tomsk province in the late 19th – early 20th centuries. The mechanism for establishing peasant guardianship and trusteeship is described in detail. On the basis of clerical sources, the stages of establishing guardianship are analyzed: appointment of a guardian and an inventory of property, and a report on property management. Violations and conflict situations at each of these stages were revealed. The author concludes that one of the most important social functions of the community was performed consistently and clearly, despite the lack of regulation of this procedure in official legislation. Normatively, the rights of a guardian were enshrined, who could dispose of the property of orphans: to farm on the land, or to rent it out along with yard buildings and livestock. The guardian could invest the proceeds in a savings bank account until the orphans come of age, or use these funds for their needs with the permission of the village gathering. As a rule, children remained with their mother or next of kin, guardians from outsiders were appointed extremely rarely. It is established that the struggle for resources between relatives of deceased peasants and widows did not affect the financial situation of orphans. All violations were carefully recorded, the instructions for their elimination were promptly executed. This testifies to the observance of the rights of orphans.

Keywords: Tomsk province; peasantry; guardianship; orphanhood; property; community.

The article has been received by the editor on 15.12.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается соблюдение прав несовершеннолетних детей крестьянского сословия в Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Благодаря привлечению делопроизводственных источников подробно реконструирован механизм установления крестьянской опеки и попечительства, описаны этапы установления опеки: назначение опекуна, составление описи имущества и отчета по управлению имуществом. Выявлены нарушения и конфликтные ситуации на каждом из них. Автор приходит к выводу, что одна из важнейших социальных функций общины исполнялась последовательно и четко, несмотря на отсутствие регламентации данной процедуры в официальном законодательстве. Нормативно закреплялись права опекуна, который мог распоряжаться имуществом сирот: вести хозяйство на земле, либо сдавать ее, а также дворовые постройки

* Гордеева Мария Александровна, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: sharshova@yandex.ru

Gordeeva Mariya Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: sharshova@yandex.ru

и скот в аренду. Вырученные денежные средства опекун мог положить на счет в сберегательной кассе до совершеннолетия сирот, либо, с разрешения сельского схода, использовать на их нужды. Как правило, дети оставались при матери или ближайших родственниках мужа, опекуны из посторонних лиц назначались крайне редко. Установлено, что борьба за наследство между родственниками умерших крестьян и вдов существенно не влияла на материальное положение детей-сирот. Все нарушения фиксировались, предписания по их устранению исполнялись. Это свидетельствует о соблюдении имущественных прав детей-сирот.

Ключевые слова: Томская губерния; крестьянство; опека; попечительство; сиротство; имущество; община.

Организация опеки у русских крестьян дореволюционной России находится в центре внимания исследователей с конца XIX в. Изучение процедуры назначения опекунов детям-сиротам представляется важным не только с точки зрения взаимодействия официальных властных структур и органов крестьянского самоуправления. Исполнение этой важнейшей социальной функции на практике показывает реальную расстановку сил в борьбе за материальные ресурсы. Существует мнение, что интересы детей при этом часто не принимались во внимание. Исследование правового положения детей-сирот позволит установить соотношение между законом и обычаем в вопросах исполнения опеки, определить место в сельской общественной иерархии не только самих детей, но и женщин – их матерей.

В современной историографии, относящейся к данному вопросу, можно выделить два основных направления. Часть историков изучает законодательные инициативы по вопросу организации опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия. Основные выводы сводятся к мнению о том, что отсутствие целостной законодательной базы не препятствовало сельским обществам исполнять важную социальную функцию по установлению опеки¹. Другая часть современных авторов концентрируется именно на самой процедуре установления опеки и роли и влиянии общины на каждом этапе ее реализации. Большое внимание при этом уделяется выявлению целей и мотивов сторон, которые вступали в борьбу за право опеки над детьми².

В законодательной базе дореволюционной России не было четкой регламентации отношений между опекунами и сиротами. В примечании к статье 21 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» говорилось, что назначение опекунов и попечителей, а также контроль за их действиями крестьяне должны осуществлять, руководствуясь местными обычаями. В приговорах о выборе опекунов чаще встречается отсылка к пункту 4 статьи 51 того же Положения, определявшему порядок ведения сельских сходов по назначению опекунов и проверки их действий. Никакой подробной процедуры при этом

¹ Вьюнник Е.П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX в. // Научные ведомости. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 137–144; Осипова М.П. Законодательная политика российского правительства в сфере крестьянской опеки (вторая половина XIX в.) // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. Липецк, 2009. С. 161–173; Федосова Е.В. Правовое регулирование опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия в Российской империи (вторая половина XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 416–420.

² Безгин В.Б. Опека малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридический мир. 2009. № 2 (146). С. 76–79; Гордеева М.А. Традиции опеки у крестьян Томской губернии в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3 (71). С. 43–48; Заколотная В.Н. Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. С. 129–136; Коваленко В.В. Социальная помощь и опека в станичных обществах Кубани в конце XVIII – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 299–302; Соловьева И.В. Традиции опеки у русских крестьян в конце XIX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 4 (41). С. 53–59.

прописано не было. 1 февраля 1887 г. вышло высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке отчуждения имущества малолетних крестьян», согласно которому сельскому сходу разрешалось принимать решение об отчуждении припасов и вещей малолетних сирот, которые могли подлежать скорому тлению и другим тратам³. «Положение о земских участковых начальниках», принятое 12 июля 1889 г., определяло функции Губернского по крестьянским делам Присутствия в отношении опеки. Оно должно было рассматривать и утверждать приговоры сельских обществ о продаже движимого и недвижимого имущества, а также рассматривать жалобы, которые поступали на данные приговоры⁴. Следующим законодательным актом, регламентирующим механизм опеки, стало высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке назначения опеки над имуществом умерших крестьян, бывших приписанными к волости, и над личностью и имуществом остающихся после них малолетних детей». Закон был обнародован в 1892 г. и впервые разграничил функции сельского схода и волостного правления в исполнении опеки. В первом пункте оговаривались предметы ведомства сельских сходов относительно опекунов, приписанных к соответствующему сельскому обществу. Второй пункт определял обязанности волостного схода, куда вошла проверка назначения, действий опекунов и попечителей⁵.

Трактовка понятия «сирота» в наше время и в традиции конца XIX – начала XX в. кардинально различается. В современной юридической практике используются термины «круглый сирота» (когда ребенок лишился обоих или одного родителя) и «полусирота» (лишился одного из родителей), выделяется биологическое и социальное сиротство⁶. В крестьянской среде конца XIX – начала XX в. «сиротой» называли детей, в семье которых отец либо умер, либо был призван на военную службу. Во всех этих случаях составлялся приговор сельского схода о назначении опекуна. Целью опеки было восполнение материального недостатка в семье. Опека и попечительство – тесно связанные между собой понятия. Несмотря на то, что их нормы регулировались одними и теми же законодательными актами, различия между ними были существенными. Свод гражданских законов определял три возраста несовершеннолетних: до 14 лет, с 14 до 17 лет и с 17 лет до 21 года⁷. Дети до 17 лет считались малолетними и не имели никаких прав по распоряжению своим имуществом, как движимым, так и недвижимым. Попечитель мог быть назначен к малолетнему с 14 лет, причем об этом мог просить сам сирота. С этого момента малолетний крестьянин мог самостоятельно управлять движимым имуществом. Статус несовершеннолетнего (с 17 лет до 21 года) расширял круг прав сироты на управление недвижимым имуществом. После наступления полной дееспособности с 21 года сирота приобретал полную свободу при вступлении в свои права. Впрочем, в повседневной практике крестьяне редко различали опеку и попечительство. Часто осиротевшие дети были разных возрастов и к ним назначали именно опекуна, не разделяя эти функции⁸.

Все документы, составлявшиеся в процессе организации опеки, хранились в волостных правлениях. Дела формировались по единому принципу: в соответствии с хронологией ведения делопроизводства. Состав дел был неоднороден, однако в каждом из них присутствует обязательный набор документов: приговор сельского общества о назначении опекуна, наставление или расписка о принятии на себя роли опекуна, описание имущества сироты. В данной работе использованы материалы 47 опекунских дел Берской, Коченевской, Мало-

³ Осипова М.П. Законодательная политика российского правительства...

⁴ Вьюнник Е.П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам... С. 139.

⁵ Там же. С. 140.

⁶ Боевникова Е.А. Психологические особенности социального сиротства в истории развития данного направления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 134–139.

⁷ Свод законов Российской империи: в 16 т. СПб., 1900. Т. X. Ч. 1.

⁸ Федосова Е.В. Правовое регулирование опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия... С. 417.

Крюковской, Ордынской, Прокудской, Тарсминской и Тулинской волостей Барнаульского, Кузнецкого и Томского уездов Томской губернии⁹.

Механизм назначения опеки в сельских обществах состоял из нескольких этапов. На первом из них назначался опекун, кандидатура которого обсуждалась на сельском сходе. Форма приговора схода была унифицирована, и чаще всего в обществах имелись готовые типографские бланки, в которые вносились сведения о дате приговора, названии сельского общества, уезда и губернии, количестве присутствовавших на сходе крестьян, фамилия и имя умершего крестьянина, дата его смерти, имена и возраст сирот. Далее записывалось решение сельского схода с указанием фамилии и имени назначенного опекуна. Приговор скреплялся подписями крестьян, присутствовавших на сходе, а также подписью и печатью сельского старосты.

Опекуны назначались как из родственников, так и из посторонних сироте лиц. В практике сельских обществ Томской губернии первоочередное право опеки оставалось за родственниками по отцовской линии. Если вдова жила отдельно от родителей мужа и была способна вести хозяйство самостоятельно, то она могла стать полноправной домохозяйкой и просить оставить ее опекуном своих детей¹⁰. Если же крестьянка с детьми входила в состав неразделенной семьи и не имела права распоряжаться имуществом самостоятельно, то опекуном избирали деда, либо дядю сирот. Если женщина повторно выходила замуж, то опека над детьми передавалась новому супругу.

После назначения опекуна производилась опись имущества сирот. Сведения вносились в специальную таблицу. Как правило, в обществах имелись унифицированные типографские бланки, на лицевой стороне которых указывалась информация о сельском обществе, дате составления, имени и дате смерти крестьянина и сиротах. Сама таблица располагалась на развороте и имела следующие графы: наименование имущества, количество, сумма оценки, состав семьи, общая сумма повинностей по каждому сбору, недоимки, а также мнение волостного старшины о том, что из описанного может быть продано без ущерба хозяйству¹¹. Часто в опись сведения вносились не в полном объеме. В тех сельских обществах, где отсутствовали типографские бланки и таблицы расчерчивались писарями вручную, некоторые графы вообще отсутствуют¹². Тем не менее некоторыми писарями таблицы воспроизводились в полном объеме, даже если не было необходимости в заполнении некоторых граф¹³.

При передаче копии приговора и описи имущества опекун был обязан подписать наставление, которое состояло из 11 пунктов. В этом документе излагались главные обязанности опекунов и права сирот. Основное внимание уделялось имущественным правам. Опекун был обязан оберегать, улучшать и приращивать имение сирот. Сведения о доходах, полученных от сдачи имущества в наем, за исключением «хозяйственных надобностей и уплатою податей, повинностей, недоимок и долгов», предоставлялись в волостное правление. Помимо этого, сельскому сходу ежегодно подавался отчет о доходах и расходах по имуществу. Примечательно, что забота о здоровье сирот, их воспитании и обучении ведению хозяйства упоминается лишь в одном пункте из 11.

Опекунское управление над сиротами прекращалось с момента достижения ими совершеннолетия. Если девушка выходила замуж раньше этого срока, опека переставала на нее распространяться. Все имущество, принадлежащее ей, переходило к мужу. В свои законные права девушка вступала после наступления совершеннолетия¹⁴. Если в сельском обществе не было соответствующего унифицированного наставления, то опекун от руки писал краткую расписку о принятии имущества и обязанности добросовестно воспитать сирот¹⁵.

⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 128, 172–178, 180, 192, 198, 199, 203, 211; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 62, 165, 166. 187, 220, 264.

¹⁰ ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 175. Л. 2–3.

¹¹ Там же. Д. 180. Л. 3–4.

¹² Там же. Д. 172. Л. 2–3.

¹³ Там же. Д. 178. Л. 2–3.

¹⁴ Там же. Д. 172. Л. 12.

¹⁵ Там же. Д. 173. Л. 10.

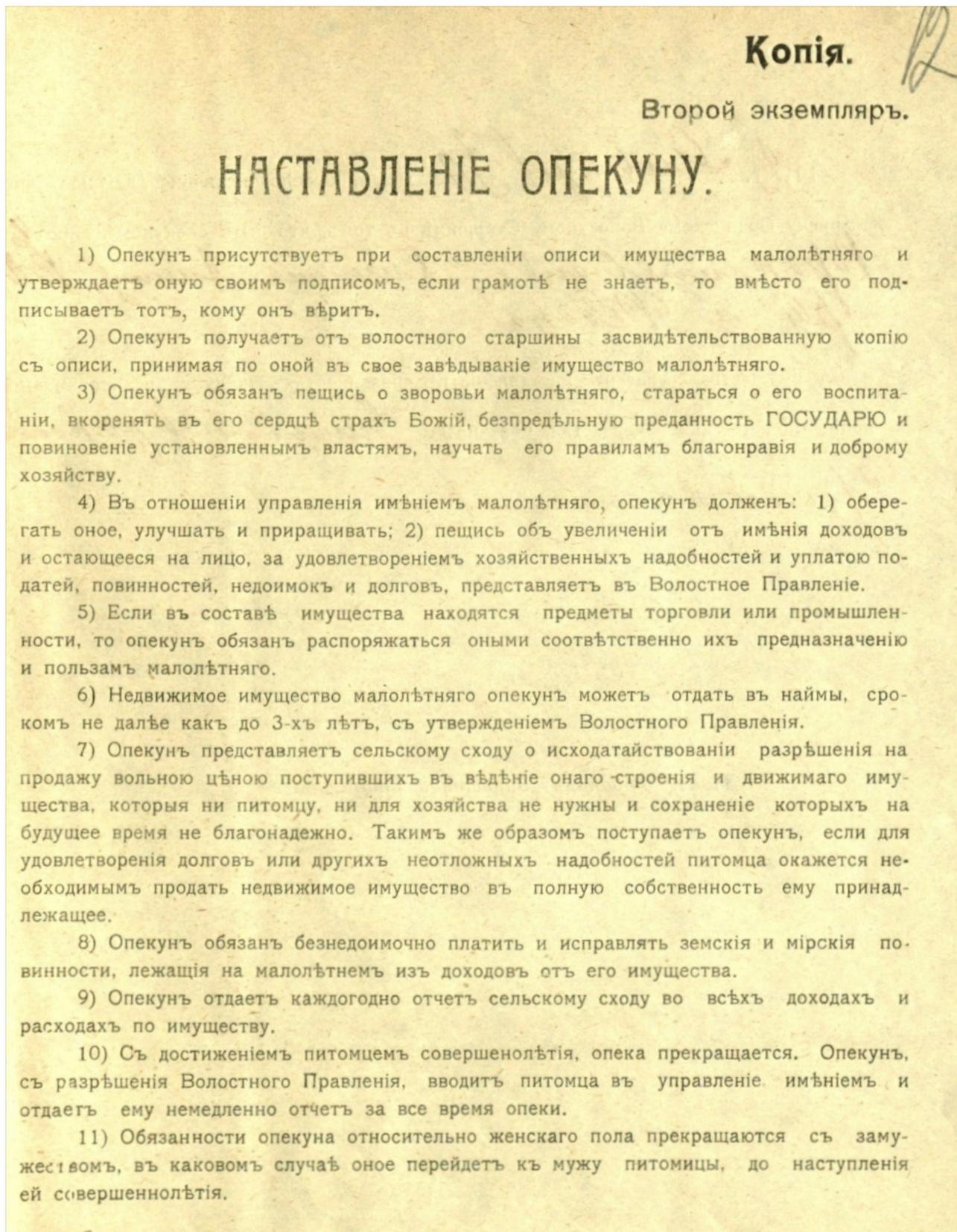

Рис. 1. Наставление опекуну, сохранившееся в деле об опеке сирот Ордынской волости. 1913 г. (ГАНУ. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 172. Л. 12).

Мы видим, что процедура назначения и исполнения опеки была последовательной и четкой. Однако остается открытым вопрос: так ли точно это исполнялось на практике? Соблюдались ли в полной мере права детей? Из имеющихся в нашем распоряжении опекунских дел можно сделать ряд выводов. В целом сельскими должностными лицами делопроизводство велось аккуратно. В опекунских делах присутствовали основные документы, за исключением отчетов опекунов. Часто они не составлялись ежегодно, как предписывалось законом, а могли оформляться один раз в два или даже три года. Как правило, отчет о действиях опекуна завершал дело.

Проверки действий опекунов и составление отчетов могли инициироваться по предписанию крестьянских начальников, которому предшествовали прошения родственников сирот о нарушении их прав. Зафиксированные в делах нарушения опекунов касаются имущественных прав: несанкционированная продажа вещей, взыскание долгов умершего по суду. Так, в 1915 г. при проверке в дер. Ново-Шарапской Ордынской волости сельским старостой был составлен акт о продаже имущества сирот до официального назначения опекуна. При этом было продано не только движимое имущество, но и амбар. Волостной старшина составил акт о данном нарушении с требованием взыскать деньги с процентами и положить их на счет сирот, а также разъяснил, что к делу должны быть приложены расписки матери сирот и опекуна о согласии продажи имущества¹⁶.

Встречаются также случаи раздела имущества умершего крестьянина между наследниками. Так, в с. Нижне-Каменском Ордынской волости жена умершего крестьянина отказалась проживать со свекровью, т.к. та имела «строптивый характер». Сельское общество сочло целесообразным разделить имущество, оставив основную часть жене, поскольку та обязалась погасить долги умершего мужа¹⁷. Стоит отметить, что сельские должностные лица иногда игнорировали обращения опекунов или матерей сирот, поэтому им приходилось обращаться за защитой своих прав и прав детей в вышестоящие инстанции. Предписания крестьянских начальников имели эффект: на спорные вопросы оперативно реагировали. Иногда конфликтные ситуации возникали между родственниками умерших крестьян и вдовами, повторно вышедшими замуж. Так, в 1911 г. в дер. Елбанской Ордынской волости спорная ситуация возникла между вдовой и ее бывшим свекром Прокопьевым. С момента смерти мужа в 1908 г. они вели совместное хозяйство. Вскоре вдова вышла замуж за крестьянина того же села Герасимова. Дед сирот передал все имущество и хозяйство в распоряжение нового мужа, взяв с него обязательство содержать не только сирот, но и его самого. Однако через короткий промежуток времени им было подано прошение крестьянскому начальнику о нарушении его прав. Старик заявлял, что Герасимов не только отказывает ему в содержании, но и избивает его. Более того, Прокопьев искал удовлетворения в волостном суде, который обязал Герасимова содержать истца. Впрочем, ответчик решение суда не исполнил. Очевидно, устав бороться, Прокопьев просил крестьянского начальника произвести раздел имущества между ним и сиротами. Крестьянский начальник постановил направить дело на рассмотрение в волостной суд и немедленно принять меры по соблюдению интересов сирот и просителя. Ходатайство Прокопьева было удовлетворено, опекуном сирот осталась их мать, с которой вновь взяли расписку об ознакомлении с наставлениями¹⁸.

Практически все конфликтные ситуации и обращения в вышестоящие инстанции происходили между родственниками умершего крестьянина и вдовами. При этом интересы детей в большинстве случаев соблюдались. Их права на имущество не вызывали сомнений. Опека устанавливалась и на незаконнорожденных детей. В этом случае сельскими и волостными должностными лицами делался запрос причту церкви о предоставлении метрических выписок о рождении детей¹⁹. Незаконнорожденные дети имели абсолютно равные права и для них опека назначалась по той же схеме, что и для законнорожденных.

¹⁶ ГАНУ. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 174. Л. 23–24.

¹⁷ Там же. Л. 7–8.

¹⁸ ГАНУ. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 172. Л. 7–8, 12–13.

¹⁹ Там же. Д. 176. Л. 20.

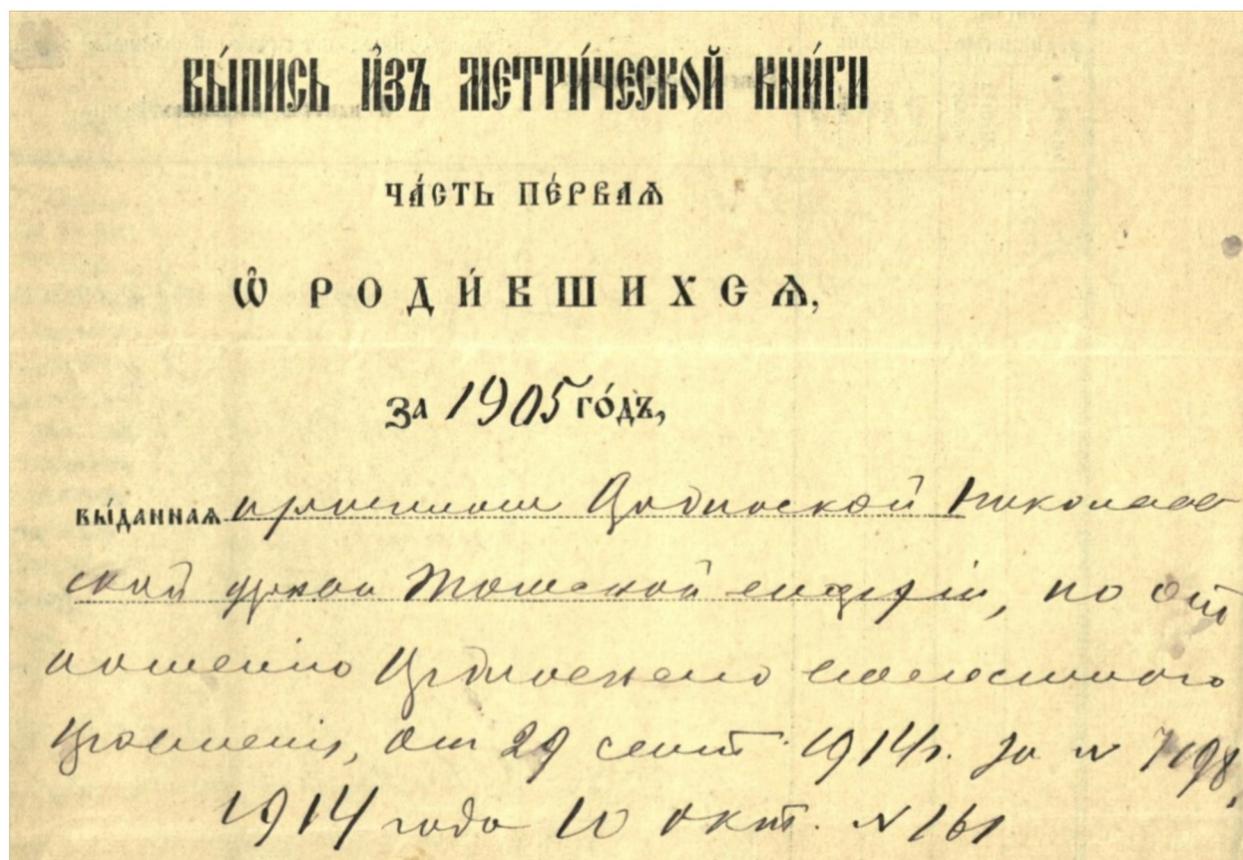

Рис. 2. Выписка из метрической книги, сделанная в ответ на запрос о времени рождения сирот в 1914 г. (ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д.176. Л. 21).

Нарушения процедуры опеки фиксировались не только благодаря жалобам заинтересованных сторон, но и по донесениям должностных лиц, которые отвечали за ее установление. Обычно этому предшествовала либо плановая проверка опекунов²⁰, либо сельские старосты, видя нарушения, докладывали о них волостным старшинам. Например, о не назначении вовремя опекунов или несанкционированной продаже имущества.

Мы приходим к выводу, что в Томской губернии в рассматриваемый период обязанности опекуна сводились к управлению имуществом несовершеннолетних подопечных. Оно предполагало не столько его приращение, сколько сохранение доставшегося до совершеннолетия сирот. Именно в борьбе за это имущество и возникало множество споров и конфликтов между родственниками детей. Матери пытались отстоять свои права на личное имущество, родственники мужа – на имущество сирот. Права детей-сирот в этой борьбе соблюдались и отстаивались, что способствовало их успешной интеграции в обществе.

Литература

Безгин В.Б. Опека малолетних и сирот в русском селе (вторая половина XIX века) // Юридический мир. 2009. № 2 (146). С. 76–79.

Боевникова Е.А. Психологические особенности социального сиротства в истории развития данного направления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 134–139.

Вьюнник Е.П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX в. // Научные ведомости. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 137–144.

²⁰ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 165. Л. 12.

Гордеева М.А. Традиции опеки у крестьян Томской губернии в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3 (71). С. 43–48.

Заколотная В.Н. Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. Т. 4. С. 129–136.

Коваленко В.В. Социальная помощь и опека в станичных обществах Кубани в конце XVIII – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 299–302.

Осипова М.П. Законодательная политика российского правительства в сфере крестьянской опеки (вторая половина XIX в.) // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. Липецк: Липецк. гос. пед. ун.-т, 2009. С. 161–173.

Соловьева И.В. Традиции опеки у русских крестьян в конце XIX в. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 4 (41). С. 53–59.

Федосова Е.В. Правовое регулирование опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия в Российской империи (вторая половина XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 416–420.

References

Bezgin, V.B. (2009). Opeka maloletnikh i sirot v rusском селе (vtoraya polovina XIX veka) [Guardianship of Juveniles and Orphans in the Russian Village (the Second Half of the 19th Century)]. In *Yuridicheskiy mir*. No. 2 (146), pp. 76–79.

Boenkina, E.A. (2013). Psikhologicheskie osobennosti sotsial'nogo sirotstva v istorii razvitiya dannogo napravleniya [Psychological Features of Social Orphanhood in the History of the Development of This Sphere]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 134–139.

Fedosova, E.V. (2011). Pravovoye regulirovaniye opeki i popечitel'stva nad nesovershennoletnimi litsami krest'yanskogo sosloviya v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX veka) [Legal Regulation of Custody of and Custoddy of Minors of Peasant Estate in the Russian Empire (the Second Half of the 19th Century)]. In *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. No. 1 (14), pp. 416–420.

Gordeeva, M.A. (2017). Traditsii opeki u krest'yan Tomskoy gubernii v nachale XX v. [Traditions of Guardianship among the Peasants of the Tomsk Province in Early 20th Century]. In *Vestnik Kemerosvskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (71), pp. 43–48.

Kovalenko, V.V. (2013). Sotsial'naya pomoshch i opeka v stanichnykh obshchestvakh Kubani v kontse XVIII – nachale XX v. [Social Help and Guardianship in Stanitsa Societies of Kuban' at the End of the 18th – Early 20th Century]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 11, pp. 299–302.

Osipova, M.P. (2009). Zakonodatel'naya politika rossiyskogo pravitel'stva v sfere krest'yanskoy opeki (vtoraya polovina XIX v.) [Legislative Policy of the Russian Government in the Sphere of Country Guardianship (the Second Half of the 19th Century)]. In *Vekhi minuvshego: uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta* [Milestones of Past: Scientific Notes of Department of History]. Lipetsk, Lipetskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 161–173.

Solov'eva, I.V. (2011). Traditsii opeki u russkikh krest'yan v kontse XIX v. [Traditions of Guardianship among Russian Peasants at the End of the 19th Century]. In *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. No. 4 (41), pp. 53–59.

V'yunnik, E.P. (2020). Pravovoy mekhanizm sotsialnoy pomoshchi detyam-sirotam sel'skikh obyvateley v Tsentral'nom Chernozem'e vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Legal Mechanism of the Public Assistance to Orphan Children of Rural Inhabitants in the Central Chernozem Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Nauchnyye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. No. 19 (90), pp. 137–144.

Zakolodnaya, V.N. (2010). Organizatsiya i funktsionirovaniye krest'yanskoy opeki nad sirotami v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Organization and Functioning of Country Guardianship over Orphans in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. No. 1, pp. 129–136.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020 г.